

ЖЕЛТЫЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ К. Д. ВОРОБЬЕВА

Работа представлена кафедрой русского языка
Курского государственного университета.

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор, А.Т. Хроленко

В статье рассматриваются особенности функционирования прилагательного *желтый* в художественном дискурсе К. Д. Воробьева, анализируется частотность колоратива, его синтагматика. Особое внимание уделяется выявлению изобразительных возможностей прилагательного *желтый* в текстах произведений К. Д. Воробьева.

Статья адресуется специалистам, студентам-филологам, а также широкому кругу читателей.

The article deals with functioning of the adjective «yellow». The author analyses frequency of the colourative and its syntagmatics. Special attention is paid to figurative possibilities of the adjective «yellow» in the texts of K. Vorobyov's works.

The article is addressed to specialists, students-philologists and high readership.

Цветобозначения, являясь одним из средств художественной выразительности, определяют специфику художественной картины мира писателя. В использовании цвета раскрываются индивидуальные черты авторского мироощущения.

Одной из особенностей колоратики прозы К. Д. Воробьева является высокая частотность в художественном дискурсе писателя прилагательного *желтый*. Цель нашего исследования – выявление индивидуально-авторских особенностей восприятия желтого цвета, а также попытка интерпретации его символики.

В словнике художественной прозы К. Воробьева¹ лексема *желтый* зафиксирована в 99 словоупотреблениях (с/у) и в ранговом отношении среди других цветобозначений она занимает четвертую позицию, уступая традиционно частотным прилагательным *белый* (283 с/у), *черный* (200 с/у) и *красный* (104 с/у).

Отметим, что желтый цвет не является приоритетным в общезыковом отражении. По данным «Частотного словаря русского языка» под редакцией Засориной², где верхние позиции с разницей в два словоупот-

ребления занимают ахроматические цвета *черный* (473 с/у) и *белый* (471 с/у), *желтый* (109 с/у) в ряду монохроматизмов по мере убывания их частотности оказывается менее значимым в сопоставлении с *красным* (371 с/у), *зеленым* (216 с/у), *синим* (180 с/у), *голубым* (137 с/у) и даже *серым* (116 с/у).

Желтый цвет малоупотребителен в памятниках древнерусской литературы. Обращение к истории цветобозначений в русском языке показывает, что желтый цвет использовался преимущественно для названия цвета волос, одежды, тканей, драгоценных камней, растений³.

Сравнительно редко используется прилагательное *желтый* и в русском фольклоре, где отмечаются устойчивые связи колоратива со словами *волосы, кудри, песок*⁴.

Специфику слова *желтый* в художественном дискурсе К. Д. Воробьева определяют в первую очередь связи прилагательного с существительными. Как всякое абстрактное прилагательное, *желтый* имеет неограниченную сочетаемость. Проанализировав синтагматику колоратива *желтый*, мы установили, что круг определяемых существительных широк и разнообразен.

В первую очередь это наименования природных объектов, имеющих естественную окраску различных оттенков желтого цвета: *болотная вода, глина, дым, столб дыма, пламя, песок, наледь, комок снега, сосульки, яйцо, нектар, степь, пучок света, круг света*. Среди наименований растительных натурфактов и животных встречаются *сережки ракиты, донник, люпин, головки одуванчиков, поветь колосков, муравьи, гусенята*. Самую многочисленную группу существительных, сочетающихся с прилагательным *желтый*, составляют имена артефактов: *бублик, бутылка, водка, доска, кожа перчаток, колбаса, корка хлеба, край дранки, крест, крыльцо, крыша, лапоть, майка, окно, пистон, плащ, перила, пол, посох, прошивка, провод, пуговицы, ремень, сапог, стена, тесемка, чемодан, штаны*. Особого внимания заслуживает использование писателем прилагательного *желтый* в характеристике наименований частей человеческого тела. Как желтые определяются соматизмы: *глаз, головка ребенка, голова, зрачок, кожа, лицо, нога, око, палец, рука, спина, череп*.

Используются цепочки определений со словом *желтый*, показывающие степень насыщенности цвета: *желтый болотный, желтый медовый, желтый сияющий*, а также сравнения: *желтый, как бублик; желтый, как лилия; желтый, как одуван; желтый, как куриная слепота; желтый, как свечи*.

Отметим и широкие словообразовательные возможности колоратива. С корнем *-желт-* фиксируются производные *желтоватый, желтизна, желтеть, пожелтеть*, ряд сложных прилагательных: *белесо-желтый, грязно-желтый, золотисто-желтый, иссиня-желтоватый, пожарно-желтый, свечно-желтый, сине-желтый, сияюще-желтый, черно-желтый, ярко-желтый; желтобелый, желто-бурый, желто-коричневый, желто-малиновый, желтовато-мутный, желтовато-талый*.

Анализируя изобразительные возможности прилагательного *желтый* в текстах произведений К. Д. Воробьева, отмечаем,

что «среди базовых имен цветов <...> «желтый» занимает особое место как атрибут с ярко выраженной положительной и отрицательной символикой»⁵.

Участвуя в создании авторского цветового образа, *желтый*, актуализирует не только цветовое значение. Прилагательное может обозначать что-либо живое, солнечно-радостное, благодатное: *Я сижу на теплой раките, обсыпанной желтыми сережками и полусонными пчелами; На земляной пол в сенцах настлала богородицыной травы по полам с мятой, а дорожку со двора на улицу посыпали желтым песком* (Друг мой Момич); *...желтая степь уже дымилась паром, когда дед в первый раз с Рождества вывел Мишку из хаты: – Весна, голубь. Гляди-ка, благодать какая...* (Ничей сын). *Желтыми* предстают в сознании писателя *корка хлеба, бублики*. Такая цветовая характеристика изделий из хлеба не совсем привычна и подчеркивает скорее не столько их аппетитный вид, сколько значимость: *желтые бублики для мальчика Саньки в повести «Друг мой Момич» – это ощущение праздника: С ее (тетки Егорихи – Т. К.) плеча свисала до колен сизка желтых, как одуваны бубликов, и в руках она держала какие-то кульки и свертки*. В повести «Это мы, Господи!..» желтый цвет хлебной корки несет на себе особую смысловую нагрузку, выступая символом солнца, жизни для изможденных голодом пленных: *Взбесились, взъярились чудовищные призраки смерти. <...> Манят они желтой коркой поджаристого хлеба <...>. И нет сил оторвать горящие голодные глаза от этого воображаемого сокровища*. В рассказе о плене «Седой тополь», в самом начале повествования, *желтые* гусенята выступают как атрибут мирной жизни, яркая цветовая деталь, контрастирующая с серыми бараками лагеря военнопленных: *... На запад, к морю, стелется луг. На нем – первый в том году зной, желтые гусенята и старые задумчивые козы железнодорожников. Это сразу. А дальше шесть тяжелых серых барakov, об-*

несенных пятью рядами колючей проволоки и восемью сторожевыми вышками.

Однако нередко желтый цвет используется писателем и в качестве негативной колористической характеристики. Особо отметим роль желтого цвета в произведениях военной тематики, где соответствующее прилагательное обнаруживает значение непривлекательности. *Желтым* может быть названо что-либо, потерявшее свою естественную окраску, яркость, свежесть: *Я обхватил его шею руками, и мы пошли, но не к колонне, а вдоль поленницы, в конец склада. Во всю его ширину там оказались двери-ворота, обросшие желтой, бугристой наледью* (Крик); *Они (немцы – Т. К.) дуют пиво – «нох айн маль» – жрут желтую старую колбасу, рыжеют, а потом воюют со всем светом и отмораживают ноги под Москвой!* (Немец в валенках). Зловещими знаками кажутся желтые звезды, уподобленные масляным пятнам: *Сквозь белесую пелену туч звезды просачивались желтыми масляными пятнами, а по земле синим томленным чадом стлался туман, и все окружающее казалось полуверным и расплывчатым* (Убиты под Москвой). Отвратительно непривлекателен желтый цвет баланды, выдаваемой пленным: *Посреди бесстенного навеса стояли две ванны, наполненные чем-то желтым, жидким. Это и была баланда, сваренная из костной муки* (Это мы, Господи!..). Мрачный, желтый, подчеркивающий невыносимость состояния угнетенности, – цвет фашистских застенков: *Набрав полный рот кровавой слюны, Сергей по дороге харкнул ее на желтый пол коридора; Это – был и явь, это – неумолимая правда, как вот эти желтые цементные стены и стальные двери камеры!* (Это мы, Господи!..). Желтый крест на рукаве красного командира – клеймо злобы и ненависти: *Унтер, макая новенькую кисть в красиво разрисованную баночку, лепил на левом рукаве каждого командира густой желтый крест.*

В ряде контекстов обнаруживается сочетание прилагательного *желтый* с суще-

ствительными, обозначающими части человеческого тела. В таких сочетаниях *желтый*, называя оттенки кожи больного или старого человека, реализует сему «безжизненность». Оценочное значение колоратива зачастую усиливается его атрибутивными связями: *За дрыгающие желтые ноги и дулей выпятившуюся голову на длинной шее принесли надзиратели Куликова из угла камеры* (Это мы, Господи!..); *Желтые когтистые пальцы воздето протянутой руки его шевелились и подрагивали...* (Друг мой Момич); *...у окна <...> лежал унылый сухой старик со стеариновым лицом и желтым голым черепом* (Вот пришел великан). Дважды у К. Воробьева встречается противопоставление желтых, изможденных рук, красным, символизирующим агрессию: *Из кузова «Опель-блиц» чьи-то красные мясистые руки кидали подходившим пленным тяжкую, как кирпич, буханку, и к ней бросались руки, гибкие, желтые* (Это мы, Господи!..); *...под его красными руками опрокидывались горшки. Он топал ногами и рычал, а Мишка весело смеялся. – Молчи! Только молчи! – просила мать и желтой рукой прикрывала рот Мишки* (Ничей сын). Нетипичным является, на наш взгляд, использование писателем колоратива *желтый* для обозначения цвета глаз. В рассказе «Гуси-лебеди» желтый цвет глаз подстреленного лебедя подчеркивает пронзительность взгляда умирающей величавой птицы: *Дома дед расprostал лебедя на полу, крылья – от стенки до стенки, а глаза – как желтые монисты, и смотрят!* То же находим и о человеке: *Алексей растерянно глянул на женщину. Желтые зрачки ее были пронзительны* (Сказание о моем ровеснике). Не раз прилагательное *желтый* в сочетании с существительными *глаз, око* участвует в образовании индивидуально-авторской метафоры: «желтый удивленный глаз фонаря», «желтый глаз светофора», «желтое око костра».

Как видим, желтый цвет оказывается индивидуально значимым в творчестве

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

К. Д. Воробьева. Символичность *желтого* в языковой картине мира писателя раскрывается, на наш взгляд, в размышлениях одного из его персонажей: *...И все же мне очень хотелось сообщить ей что-нибудь еще, – например, о светофоре, мигавшем на меня через дорогу желтым циклопическим глазом: в тишине и безлюдье ночного города такое око не*

предостерегает, а грозит напоминанием о какой-то извечной пустынной опасности для одинокого человека, вот такого, как я (повесть «Вот пришел великан»). Можно предположить, что и для самого писателя, на долю которого выпало немало тяжелых испытаний, желтый цвет был символом тревоги, душевной пустоты и одиночества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Частотный словарь русского языка / Под ред. Л. Н. Засориной. М.: Рус. язык, 1977.

²Кризская Т. В. Лексика художественной прозы К. Д. Воробьева: Словник / Курск: Курск. гос. ун-т, 2006. С. 48.

³Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. С. 37.

⁴Бобунова М. А., Хроленко, А. Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины: Часть первая: Мир природы. Курск: Курск. гос. ун-т, 2006. С. 63.

⁵Хроленко А. Т., Петренко О. А., Карамышева О. А. Опыт сопоставительного анализа в лингво-фольклористике. Курск: Курск. гос. пед. ун-т, 2002. С. 71.